

Карусель стейкхолдеров

(об изменении ожиданий, детерминант и другом прессинге в образовании)

В XX столетии образование стало общественной обязанностью. Современный мир перестал с толерантностью относиться к необразованным людям. Раньше в обязательный минимум школьного образования входило умение читать и писать. После Первой мировой войны минимум расширили – до обязательной начальной школы – с тем, чтобы после Второй мировой войны ввести обязательное среднее образование. Накануне XXI века началась дискуссия относительно массовой доступности, а возможно и обязанности, высшего образования. Социально-культурные перемены, произошедшие вследствие окончания периода «современности» (и модернизма) в 1970-1980-х годах и начала этапа «постсовременности» на волне глобализационного импульса, так и не смогли решить эту дискуссию об обязательном высшем образовании. Казалось бы, это совершенно абсурдная идея, но похоже, она вполне отвечает общественному запросу. Несмотря на то, что данная идея (запрос) вступает в противоречие с постмодернистской идеей свободы человека, которому вообще нельзя ничего навязывать в сфере образования.

Данные перемены происходят под давлением различных стейкхолдеров, которые пытаются силой вызвать перемены в образовательных системах, в особенности в школьной системе. Они трактуют образовательные институты (от садиков до элитарного университета) как разновидность фабрики, которая «производит на заказ людей». Получилось же стандартизировать технологии производства предметов и услуг. А сегодня идут споры вокруг «стандарта человека», «стандарта работника», «стандарта гражданина», «социального стандарта», «стандарта ценности». Отдельные категории этого же процесса стандартизации генерируются совершенно различными группы стейкхолдеров и вписываются в образовательную систему в качестве таких явлений, как продуктивность, идеологизация, театральность, бюрократизация, унификация

или же образовательного хаоса. Каждое из этих явлений связано с влиянием отдельных групп стейкхолдеров или же групп давления, которые пытаются прямо или опосредованно влиять на систему образования на микро- и макроуровнях (на конкретных вузы или школы).

По мере развития школьных систем или, в более широком смысле, образовательных систем, количество стейкхолдеров увеличилось. В качестве первого фактора необходимо упомянуть церковь как институт. **Церкви были первыми организаторами и одновременно стейкхолдерами**, под чьим давлением функционировали школы от эпохи средневековья до наших дней. Любые другие аспекты функционирования европейского общества, начиная с V века, и заканчивая первой попыткой ввести обязательное школьное образование (XVI век – саксонская школьная система), подчинялись социальной дифференциации на тех, кто умел читать и писать (переписывать и интерпретировать закон), а также тех, кто вынужден был ограничиваться устной передачей традиций и знаний¹. Разделы в христианстве между VI и XVI столетиями, конфронтация с исламским миром плюс появление новых образовательных институтов (например, университетов в XII веке) увеличили количество стейкхолдеров, тем самым разрушив монополию на образование единой универсальной церкви в пользу различных образовательных доктрин, других христианских церквей (католической, православной, протестантской – реформистской, униатской и любой другой).

В результате этого процесса в рамках одного общества появилось несколько религиозных стейкхолдеров². В современном понимании этот процесс происходит в форме образовательного давления определенных религиозных групп или связей на школьные институты или же на формирование так называемых основных целей образования. Описанное давление может проявляться (и без сомнения проявляется) в различных формах.

¹ K. Modzelewski, *Barbarzyńska Europa*, Warszawa 2004.

² Например, в Первой Речи Посполитой сосуществовали образовательные учреждения всех названных церквей, при этом без особых коллизий. Во Второй Речи Посполитой мирный характер сосуществования был достигнут благодаря министрам образования – автор так называемой «енджеевской» реформы министр Януш Енджеевич (Janusz Jędrzejewicz) изменил свое вероисповедание (равно как и предыдущие и последующие его коллеги).

Основными из них являются катехизисные попытки отдельных церквей, однако наиболее продвинутыми можно считать религиозные школы всех уровней, включительно с университетами. Сегодня в польских условиях можно говорить о конкурентности или же коэкзистенции следующих религиозных вузов: Христианской Теологической Академии, Папской Академии, Католическом университете в Люблине, Университете имени кардинала Стефана Вышиньского и некоторых других религиозных вузов³. Параллельные церкви и институты являются объектами, которые курируют другие школы коммерческого характера. Все чаще появляются группы религиозных образовательных учреждений от садиков до школ выше средних. Позитивным является тот момент, что все они предлагают высокий уровень образования. Однако негативным фактором их деятельности можно считать селекцию дидактического и педагогического кадрового составов (по причине религиозности учреждений).

Стоит подчеркнуть, что данная тенденция имеет место во всей Европе (хотя и по-разному), однако в условиях Польши – члена Европейского Союза, проявляется особенным образом. В результате так называемого «исторически сложившегося (с XVI до XXI вв.)» компонента системы образования церкви выступают в двух ролях: **во-первых**, в качестве стейкхолдеров мировых или национальных образовательных систем, оказывающих давление на все национальное образование в данном государстве; **во-вторых**, в качестве активных игроков и участников процесса образования (оказывая влияние на экономические и идеологические процессы на рынке образовательных услуг).

Следующая **группа стейкхолдеров – государственная власть**. Любая власть пытается присвоить себе монополию центрального органа, который осуществляет надзор за образованием. Она может осуществлять данный надзор непосредственным образом, например, в форме государственной монополии на

³ Эти вузы функционируют как коммерческие учреждения, оказывающие образовательные услуги, а также в качестве инструмента религиозной миссии отдельных церквей. Иногда они выполняют политические функции: примером может быть Высшая школа общественной и медиальной культуры в Торуня, которая функционирует в рамках ордена редемптористов. Ее политическим лидером и идеологическим наставником, и в том числе бизнесменом/менеджером является ксендз доктор Тадеуш Рыдзык. Этот вуз, как и другие религиозные высшие учебные заведения, имеет полный набор государственных полномочий. Дипломы Школы полностью соответствуют польским законам.

образование⁴. Однако чаще всего давление государства как стейкхолдера в сфере образования происходит в форме педагогического надзора или централизованной попытки сформировать цели образования и воспитания. Зачастую их вписывают в преамбулы к законам об образовании данного государства. Или же директивы могут спускаться сверху в качестве транснациональных: региональные – например, рекомендации ЕС, мировые – рекомендации ЮНЕСКО. В зависимости от уровня образовательной ксенофобии данного государства цели образования могут быть более или менее жесткими для всех субъектов, управляющих образовательными учреждениями. При этом в зависимости от культурной и образовательной традиции отдельные государства используют те или иные инструменты, способствующие их гегемонии как доминирующего стейкхолдера. Например, в американской традиции элементом управления и давления являются финансы. Поскольку наполняются они из карманов родителей и бюджетов местного самоуправления, педагогический контроль и установленные сверху цели воспитания сведены к минимуму. Это создает предпосылки к демократизации системы образования, однако их зеркальный перенос в социальные условия европейских или азиатских стран может привести к хаосу. В традиционной европейской демократии Французской Республики государственный контроль является основным детерминантом, который превращает государственные институты в главных стейкхолдеров. Данный факт не означает образовательного диктата государства, но возникает из революционной традиции – мировоззренческого нейтралитета государства, стремления государства выровнять образовательные шансы для своих граждан, дуализма в формировании элит⁵. В случае французского государственного стейкхолдера нельзя говорить об образовательной диктатуре, а только о другой традиции. Однако в большинстве автократических стран, государство выступает монополистом, стейкхолдером – гегемоном. К подобному типу я склонен

⁴ Так было в условиях СССР и некоторых других тоталитарных обществах.

⁵ Во Франции существуют два направления в образовании элит: университетское в государственных или частных вузах, или внеуниверситетское в так называемых главных школах. Данная традиция ведет свою историю с 1763 года и практически без изменений (в наполеоновский период) сохранилась до наших дней.

причислять образовательную систему Российской Федерации и (вероятно) образовательные системы большинства постсоветских государств⁶.

В условиях польской системы национального образования можно вести речь о различном влиянии государства как стейкхолдера. В период коммунистического доминирования в Польше существовали негосударственные школы – как религиозные, так общественные, а после 1988 года и частные⁷. Реформа системы образования в 1999 году произошла под нажимом **родителей как доминирующего стейкхолдера**. Тогда же введение двух уровней в средней школе (несмотря на первоначальный хаос) повысило уровень гимназистов и увеличило шансы учеников из села или маленьких городков. Однако данное нововведение вызвало социальное давление из-за того, что лицеи стали широко доступны. А именно они были заведениями, которые лучше всего готовили для поступления в вузы. Именно тогда часть выпускников, получивших аттестат о полном среднем образовании, возросла до 70%, хотя в то же время можно вести речь о снижении уровня образования в лицеях, которые по факту превратились в массовые средние школы⁸. Перелом 1999-2000 годов стал переломом тысячелетия и началом фальсификации образовательной утопии, что высшее образование в Польше гарантирует безопасность работы и снизит безработицу. Началась имплементация Болонского процесса. Данная реформа в польском высшем образовании была проведена совершенно ограниченным образом – государство выступило стейкхолдером – гегемоном. Данный факт явно противоречил сущности

⁶ Данный вывод – исключительно мое собственное мнение, сформированное на основе визитов в российские вузы и бесед с педагогическими кадрами государственных и частных вузов России. Отдельным феноменом можно считать эволюцию системы образования в Украине, где вместе с наличием нескольких участников этого процесса и современных перемен имеют место неискорененные пока остатки советской школьной системы (главным образом вопросы ментального характера и некоторые организационные решения в государственных вузах). Значительно быстрее перемены происходят в Румынии, особенно после вступления в ЕС.

⁷ В 1988 году возникло Социальное образовательное общество (Społeczne Towarzystwo Oświatowe), которое стало инициатором перемен в образовательном законодательстве и привело к тому, что государство потеряло монополию на образование. В результате появилась большая группа негосударственных начальных, средних и высших школ. В результате этот процесс детально описан в публикации профессора Александра Наласковского – одним из самых известных деятелей польской академической педагогики, основателя элитарного частного (A. Nałaskowski, *Widnokreśli edukacji*, Kraków 2002).

⁸ Реформа 1999 года сделала возможным получить полное среднее образование или упрощенное (т.н. полная или упрощенная матура), что привело к снижению уровня выпускников средних школ и подготовки к поступлению в вузы.

Болонского процесса, в основе которого лежат рекомендации, а не распоряжения.

Новая группа **стейкхолдеров** (кроме государства, церкви и родителей) дала о себе знать по мере формирования мифа о **рынке труда**. Болонский процесс опирается на три ступени высшего образования, при этом данная трехступенчатая структура тесным образом связана с рынком труда. Именно поэтому академическое образование первого уровня ограничили до трех лет, чтобы выпускники могли быстрее попасть на рынок труда. Однако польские реформаторы не смогли предвидеть, что темпы перемен на рынке труда оказались в разы быстрее чем темпы перемен на рынке образовательных услуг. Ведь стабильность огромных рынков труда в США, Великобритании, Японии или в условиях Континентальной Европы, Германии или Франции, несравненно выше. Подобную стабильность возможно построить исключительно в длительной перспективе формирования экономических связей в Евросоюзе и партнерских рынков США или Канады. Я считаю, что эффект подобных связей стал ощутимым только после 2005 года, а выразительно ощутимым после 2012 года. К сожалению, начиная с 2015 года начался процесс деструкции данных взаимосвязей, что не является исключительно польской характерной чертой (вспомним Грецию, Венгрию, например). Несмотря на это, стейкхолдеры, которые сформировались из управленцев рынка труда, начинают играть все более огромную роль в польском образовании. Это касается главным образом больших центров услуг и промышленных регионов: Варшавы, Труймяста, Силезии, Познаня. Однако в условиях локальных сообществ или регионов со слабым уровнем урбанизации прессинг данных стейкхолдеров принимает карикатурные формы. Согласно закону от 2011 года⁹ как среднее образование, так и высшее, обязаны проводить консультации с потенциальными работодателями. Проблема, однако, состоит в том, что они могут принять на работу ограниченное количество отдельных специалистов (например, 2 – 3 выпускников). То есть, речь не идет даже о специализации или факультета на заказ, как это возможно в больших хозяйственно-образовательных центрах.

⁹ Так называемый Закон министра Барбары Кудрицкой от 18 марта 2011 года.

Данная тенденция весьма выразительно проявилась в миграции выпускников из средних и маленьких местностей, например, из Слупска, в большие агломерации. На местах, однако, происходит негативная селекция в трудоустройстве оставшихся выпускников¹⁰. Особо выразительной является тенденция продуктивности академического образования, возникающая по причине Болонского процесса, так и скорости перемен на рынке труда. Если программ обучения готовится в течение года, а потом ее реализуют на протяжении трехгодичного цикла, после четырех лет потребность в данных специалистах уже не актуальна. Особенным образом продуктивизация влияет на исследовательские программы – принимаются исключительно нужные программы исследований, что является характерной чертой технологического или экономического образования. Но данный аспект не может быть основополагающим для гуманитарного, социального или административно-правового образования.

Вузы и значительная часть средних школ в Польше, желая принимать участие в рыночной игре или же успешно соперничать с варшавскими административными центрами, проявляют заботу о кандидатах в студенты, при этом сталкиваясь с давлением **многих стейкхолдеров: будущих виртуальных работодателей, родителей, идеологических центров (церкви, политических движений)**, и в конце концов с давлением самих **студентов или учеников**, желающих минимизировать свои усилия¹¹. Маркетинг вуза или школы часто становится более важным, чем сама дидактика. Практически все вузы и значительная часть средних школ создает и развивает отделы рекламы, в результате чего возникает явление театральности. Мода на некоторые вузы обычно является простой функцией присутствия в медиaprостранстве. Ценность «телевизионного» или интернетовского профессора зависит от его медиа выступлений, нежели от научных достижений. Директор известного

¹⁰ Ежегодные консультации со стейкхолдерами вузов собирают профессию, которая составляет программы курсов вместе с выпускниками (они играют руководящие роли на локальном уровне), которые ранее были слабыми студентами. Понятно, что в таких условиях на конструктивное партнерство надеяться не приходится.

¹¹ Современный ученик или студент массового вуза является типичным продуктом «новой педократии», т.е., производным постмодернистской парадигмы (которая прежде всего умеет позаботиться о собственном эгоизме). На этом фоне мои украинские студенты выглядят куда более привлекательно, чем их польские ровесники.

лица должен чаще бывать на публицистических программах, чем в учреждении, которым формально руководит¹².

На практике каждое политическое движение, которое получает власть, не может удержаться от попыток манипулировать образованием. Чаще всего в форме компиляции очередного «нового» видения школы в сочетании с идеологизацией. Зачастую это называется реформой образования, но в действительности больше напоминает перверсию, чем соответствием социальному запросу и ожиданиям учеников и студентов. Чуть ли не классическим примером является ситуация в польском образовании с 1999 до 2017 года. Все административные перемены в образовании проводила одна и та же политическая формация, которую я называю «популистическими консерваторами»¹³. В качестве основного стейкхолдера они провели ряд изменений, целью которых являлось предоставление шансов на образование на уровне средней и высшей школ. Вернувшись к власти после восьмилетнего перерыва, партия «Право и Справедливость» провела очередную реформу в образовании только потому, что их либеральные предшественники усовершенствовали новшества, введенные в свое время в реформе профессора Хандке в 1999 году (то есть, реформе, проведенной именно «популистическими консерваторами»). Это означает, что, внедряя реформу образования в 2017 году, ПиС противоречит сама себе. Планируется, что произойдут изменения в организационных и программных вопросах. На практике речь идет о хаотической импровизации в конструировании программных основ 8-летней начальной школы и 4-5-летней средней школы, также об автократическом

¹² Типичным примером является регулярное присутствие директора частного варшавского лица в наиболее рейтинговых публицистических телепередачах на общественных и частных телеканалах. Как и рекордное количество профессуры Высшей школы социальной психологии – сегодня это одна из наиболее популярных частных высших школ в Польше. Что в свою очередь прямо влияет на заработок этих учреждений и вступительные кампании. Мы имеем дело с ситуацией, при которой образовательный капитализм превращает миссию школы/вуза в весьма успешную фирму.

¹³ Сегодня «консерваторов – популистов» представляет партия «Право и Справедливость» (ПиС) Ярослава Качинского. В 1999 году это было политическое движение под названием Избирательная Акция Солидарность (Akcja Wyborcza Solidarność), ему удалось провести реформу образования, так называемую «реформу Хандке». В 2005 году правительство ПиС и тогдашний министр образования и вице-премьер Роман Гертых (Roman Giertych) радикализировали начальное и среднее образование в Польше. Практически прямо противоположную Гертыху идею предложила профессор Барбара Кудрицкая в Законе о высшем образовании и науке от 18 марта 2011 года (а именно, полностью лишенное критики введение Болонского процесса). В сентябре 2017 года должна вступить в силу очередная реформа образования, которая предполагает возвращение школьной системы, которая существовала в Польше в 1961 – 1998 годах.

навязывании учебников сомнительного качества¹⁴. Поскольку Закон от 2011 года о высшем образовании и науке до сих пор не новелизирован, его изменения могут стать решающими¹⁵.

Парадоксально, что демократия делает возможными данные изменения, но следует четко подчеркнуть, что универсализация образовательных учреждений возможна только в тоталитарном государстве. при условии, что длительность такого государства (стейкхолдера – гегемона) преодолеет одно поколение, как это происходило в СССР, фашистской Германии и фашистской Испании). К сожалению, угрозу могут представлять и частые реформы образования, поскольку приводят к хаотическим, совершенно импровизированным переменам в школьной системе, манипуляция происходит в рамках одного поколения учеников – студентов. В значительно более длительной перспективе действуют церкви в качестве идеологических стейкхолдеров образования. Их действия всегда идут в параллельных плоскостях: они влияют на образовательную систему в целом, а также создают собственные школы или религиозные организации с образовательной составляющей. Значение данного стейкхолдера огромно, особенно когда в обществе доминирует определенная церковь. Данная ситуация типична для Польши, Испании, Италии. Однако относительное равновесие между двумя-тремя церквями как правило приносит пользу для образовательной системы (например, в Германии).

Отличительной чертой стейкхолдеров современных образовательных учреждений является их переменчивость, порою доминирование, а иногда маргинализация. Это означает, что по сути мы имеем дело с каруселью стейкхолдеров, которая парадоксальным образом может стабилизировать современную школу. Она же может представлять угрозу образовательным учреждениям в ситуации существенных различий в ожиданиях отдельных

¹⁴ Связано с идеологическим и мировоззренческим аспектом в содержании учебников. Аналогия со стратегией управления образованием в годы СССР (M. Heller i A. Niekricz, *Utopia u władzy*, t. 2, Londyn 1987, s. 212-213).

¹⁵ Попытка провести политическую люстрацию научно-педагогического состава польских вузов в декабре 2006 – январе 2007 года тогдашним правительством Права и Справедливости мобилизовало польскую элиту, в результате чего первое правительство ПиС подало отставку. Я уверен, что в зависимости от того, как будет новелизирован Закон от 2011 года (объективно новелизация необходима, J. Woźnicki, *Nowe obszary wolności*, Forum Akademickie 7-8/2014, s. 31), будет зависеть автономия вузов в Польше.

стейкхолдеров, и вызвать образовательный хаос. В проигрыше тогда останутся следующие поколения учеников и студентов. К сожалению, данная карусель становится «знаменем времени» (*signum temporis*). Возможно, это далеко не оптимистическая мысль, однако трудно не прийти к подобным выводам.